

**Феномен конституции
в новой и новейшей истории Российского государства**

В статье на основе понимания истории как познавательной сферы, в рамках которой изучается прошлое, осуществляется дифференциация исторического знания на линейное и циклическое. Выдвигается гипотеза о циклической истории российской государственности, в которой Российская Империя, РСФСР – СССР, Российская Федерация выступают в качестве самостоятельных государственных форм, в основу которых положена традиция «отрицания» предшествующего политико-правового опыта как в целом позитивного прошлого. Понимание феномена конституции осуществляется посредством метода циклического политогенеза, в соответствие с которым, для каждого самостоятельного цикла российской государственности характерно собственное восприятие и социально-правовая оценка конституции и конституционализма.

Based on the understanding of history as a cognitive sphere within the framework of which the past is studied, the article differentiates historical knowledge into linear and cyclical. A hypothesis is put forward about the cyclical history of Russian statehood, in which the Russian Empire, the RSFSR – the USSR, and the Russian Federation act as independent state forms based on the tradition of “denying” previous political and legal experience as a generally positive past. Understanding the phenomenon of the constitution is carried out through the method of cyclic political genesis, in accordance with which, for each independent cycle of Russian statehood, its own perception and socio-legal assessment of the constitution and constitutionalism are characteristic.

Ключевые слова: история, хроника, линейность, цикличность, государство, конституция, юридическая техника.

Key words: history, chronicle, linearity, cyclicity, state, constitution, legal technique.

1. Линейность и цикличность истории российского государства

История в наиболее общем понимании данного феномена представляет собой познавательную сферу в рамках которой изучается прошлое как всего человечества (мировая история), так и отдельных государств (история

государства) либо локальных регионов (краеведение) и социальных групп (история российской полиции). В основу истории положены хроники (совокупность исторических артефактов) и хронологическая периодизация (временные промежутки обозначающие этапы исторического развития). В отличие от хроник, содержащих в себе «чистую» информацию об имевших место в прошлом явлениях и событиях (к примеру, 23 августа 1941 г. между Германией и СССР был подписан Договор о ненападении, получивший впоследствии название «Пакта Молотова-Риббентропа»), история не ограничивается простым перечислением и датированием артефактов, а определяет закономерности их возникновения и последующих трансформаций.

Особенностью истории является ее конкретность и единичность. Один народ – это одна и при этом единственная история, которая на данном историческом периоде признается на официальном государственном уровне истинной. Соответственно возникает коллизия между различными подходами к изучению истории, обусловленными как вполне понятным и объяснимым субъективизмом ученых представляющих различные школы, так и исходящим от политической власти «заказом» на определенное историческое видение, по тем или иным причинам выгодное для нынешних власть предержащих [9, с. 77]. Отмеченная коллизия актуализирует проблему противопоставления истинной и фальсифицированной истории, получающей свою особую актуальность в современных условиях [1, с. 28–43; 7, с. 21–25; 5, с. 132–142; 11, с. 279–284].

Возникает логичный вопрос: можно ли отождествлять историю народа, языка, веры и историю государства. По мнению автора статьи, нет. По мнению нынешней российской власти, не только можно, но и нужно. В настоящий момент в отечественной исторической науке, безусловно приоритетным является линейный дискурс, в соответствие с которым история российского государства насчитывает более тысячи лет, и что за весь этот период Россия никогда не утрачивала и кардинальным образом не меняла национально-государственной идентичности. На мой взгляд, согласиться с подобной точкой зрения нельзя, поскольку она вступает в очевидное противоречие с теорией государства, в соответствие с которой государство как форма социальной организации и механизм публичной политической власти характеризуется следующими основополагающими признаками: обособленной территорией, институтом гражданства (подданства), бюрократическим аппаратом государственной власти, государственным суверенитетом. Возникновение русского государства, соответствующего названным признакам, происходит не ранее конца XV – начала XVI вв. и

связывается с преобразованием Великого Княжества Московского (являвшегося до этого момента одним из многочисленных русских княжеств), в централизованное государство «Всея Русь», с верховным владыкой – Царем Всея Руси.

Рассматривая собственно государственную историю России, следует выделить три этапа, каждый из которых представляет самостоятельный государственный цикл. При этом условием начала каждого последующего цикла являлось революционное разрушение государственной системы, сформировавшейся и функционировавшей в рамках цикла предыдущего. Советское государство, возникшее в результате разрушения Российской Империи, основывалось на революционном постулате об «отречении от старого мира», разрушении его «до основания», с тем, чтобы на «обломках самовластья» создавать новый мир, в котором «кто был никем, тот станет всем». В свою очередь обретение Российской Федерацией, статуса суверенного государства, было обусловлено распадом СССР – результатом глубочайшего системного кризиса, повлекшего гибельные последствия для «первой в мире страны победившего социализма». Вступая в должность Президента России Б.Н. Ельцин в своей речи заявил: «Великая Россия поднимается с колен! ...Россия возродится!» [12]. Очевиден основной контекст обращения: если России предстоит с колен подниматься, значит на предшествующем этапе своей истории, она на колени опустилась. Если ее предстоит возрождать, то ранее ее разрушили. Понятно в чей огород камень, также понятно, что начало истории «новой» России, строится на отрицании предшествующего советского опыта.

Итак, три цикла государственной истории России, для каждого из которых характерна своя Россия, отличающаяся формой государства, социальным составом и структурой населения, экономическим укладом, правом и идеологией, пониманием конституции и отношением к ней.

2. Понимание конституции и отношение к ней в рамках исторических циклов Российского государства

В формально-юридическом смысле конституции как акта высшей юридической силы в Российской Империи не было и быть не могло. И дело, даже не в том, что монархическое российское государство на всем протяжении своего существования тяготело к абсолютизму, исключавшему любые внешние ограничения за исключением тех, которые накладывает на самодержца Бог и собственная совесть. Конституция была попросту не нужна ни придворным, ни светской и духовной аристократии, ни простому народу.

Российское государство и общество жило в рамках государственной традиции, основанной на несменяемости царствующего Дома Романовых и механизме «ручного управления», в котором любые решения во всех жизненно важных сферах в конечном итоге «замыкались» на фигуре царствующего императора. При таком подходе конституция в ее франко-американском выражении рассматривалась властью, объективно тяготеющей к политическому консерватизму, в качестве экстремистского акта, направленного на ниспровержение «Богом хранимого царя» и разрушение «единой и неделимой» Российской империи.

В итоге, империя была разрушена и конституция здесь абсолютно не причем. Ведь если посмотреть на историю первых писанных конституций, то напрашивается очевидный вывод, для США, изначально строившихся на основании принципов свободы, демократии, ограничения властей, Конституция 1787 г. стала логичным завершением оформления модели правового государства (state of law), в котором конституция стала основным законом, по сути своей аналогичным Священному Писанию, с той лишь разницей, что Библией человек должен руководствоваться в вопросах веры, а конституцией в политико-правовой области. При этом практическая неизменность текста американской конституции, объясняется именно этой аналогией. И Библия, и конституция регламентируют краеугольные основы человеческих отношений, не зависящие от исторического времени. Что же касается непрерывно изменяющихся жизненных реалий, то их регулирование осуществляется при помощи оперативных источников, опирающихся в своем действии на принципы, заложенные «отцами-основателями» [8, с. 182–186.].

Относительно же конституций Франции и Польши, принятых в 1791 г. и, кстати, в том, и в другом случаях, прошедших процедуру королевской промюльгации, следует отметить, что их роль для своих стран и народов в основном трагична. Принятие Конституции Франции не уберегло государство от революции, жертвой которой стал и король Франции – Людовик XVI. Что же касается Польши, то для нее с принятием Конституции связано разрушение польско-литовского государства (Речи Посполитой) и утрата в 1795 г. на долгое время государственного суверенитета. Таким образом можно сделать вывод о том, что сама по себе конституция не является панацеей способной решить любую государственную проблему. Более того, принятие конституции в государстве, не достигшем в своем политико-правовом развитии уровня, позволяющего строить конституционную политику,

может оказаться гибельным как для политиков «продвигающих» конституционные преобразования, так и для государств, пытающихся жить по правилам отвергаемым обществом [2, с. 13–25].

Советское государство, позиционировавшее себя как «новый этап человеческой истории» и отрицавшее Российскую империю как «пережиток проклятого прошлого», осуществило фактический переворот системы ценностей, на основе которых строилась «старая Россия». Если для Российской империи конституция была «исчадием ада», то для Советской России, а в последствии и для СССР, конституция стала символом государства нового типа – «основным законом», определяющим положения и принципы, положенные в основу не только государственного устройства, но и формируемого нового мирового порядка – социалистической правовой семьи [10, с. 36–40].

Анализ советских конституций позволяет разделить их на две группы: учредительные и этапные.

Основной целью учредительных конституций являлось юридическое закрепление нового государственного строя.

Конституция РСФСР 1918 г. объявляла Россию «республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... учреждаемой на основе свободного союза свободных наций...». В свою очередь Конституция СССР 1924 г. провозглашала «новое союзное государство» являвшееся «достойным увенчанием заложенных еще в 1917 году основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов... и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». При этом объединяет обе конституции то, что в качестве основной цели, они провозглашали мировую революцию, с которой собственно говоря связывали «оптимистическое» завершение истории социалистического государства и начало безгосударственной коммунистической истории «мирового человечества».

Конституции 1936 и 1977 гг. выступали в качестве «этапных вех» социалистического строительства, конечной целью которого являлось построение коммунизма. При этом в отличие от учредительных конституций 1918 и 1924 гг. ориентированных, как уже отмечалось на мировую революцию и победу интернационального пролетариата, этапные советские конституции разрабатывались и принимались в рамках утвердившейся в советской политике сталинской концепции «построения социализма и коммунизма в отдельно взятой стране (группе стран)».

Конституция 1936 г. легитимизировала решения XVII съезда ВКП (б) 1934 г. в которых отмечалось, что социализм в СССР победил и в основном

построен. С этим обстоятельством связано неофициальное название Основного закона – «Конституция победившего социализма».

Конституция 1977 г. имела своей целью отразить и закрепить изменения, связанные с формированием мировой системы социализма и формированием в СССР «развитого социалистического общества – закономерного этапа на пути к коммунизму». Эта конституция стала образцом типичного советского «долгостроя» в плане сроков подготовки конституционного проекта, работа над которым продолжалась в течение пятнадцати лет [6].

Несмотря на отличительные черты, все советские конституции были одинаковы в главном: закреплении на доктринальном уровне не правовых, а идеологических ценностей, ведущей в которых была безусловно идея коммунистического преобразования мироустройства. Во всех конституциях отмечалась биполярная модель существующего мира, в котором на стороне прогресса находится социалистическая система, ориентированная на построение бесклассового коммунистического общества, соответственно регресс представляет «загнивающий империализм» – «коллективный Запад», в своем состоянии обреченный на грядущий «конец истории».

Отмечая приоритет идеологического начала над правовым в системе советского конституционализма, вместе с тем, необходимо обратить внимание на формальную логику организации этой системы и ее полное соответствие принципам советского федерализма.

В СССР сложилась и просуществовала вплоть до 90-х годов XX века конституционная традиция, в соответствии с которой действовал механизм изменения региональных (союзных и автономных советских республик) конституций. Всякий раз, когда принималась новая союзная конституция, в течение последующего года принимались конституции союзных и автономных республик, которые в основных положениях дублировали союзную. При этом юридическая техника процесса принятия новой конституции определялась техникой советского законодательства, в которой высшим органом государственной власти, наделенным законодательными функциями, являлся Съезд народных депутатов, а после 1936 г. – Верховный Совет СССР (ст. 30 Конституции СССР 1936 г.).

В соответствии с установленным порядком законодательной деятельности были последовательно приняты следующие конституции:

Конституция РСФСР 1918 г. – V всероссийским Съездом Советов РСФСР;

Конституция СССР 1924 г. – II съездом Советов СССР (первый Съезд, в декабре 1922 г. утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР,

впоследствии вошедших в качестве структурных частей в союзную Конституцию);

Конституция СССР 1936 г. – VIII чрезвычайным (внеочередным) Съездом Советов СССР;

Конституция СССР 1977 г. – на совместном заседании палат Верховного Совета СССР. Заслушав сообщение Редакционной комиссии, Верховный Совет СССР путем голосования по разделам, а затем в целом принял Конституцию (Основной Закон) Союза ССР. Одновременно были приняты Декларация Верховного Совета СССР о принятии и объявлении Конституции СССР и Закон об объявлении дня принятия Конституции СССР государственным праздником [6].

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в формальном технико-юридическом отношении этапные конституции СССР полностью соответствовали своему статусу «общенародных». Е.В. Куликова отмечает: «Обсуждение и принятие новой советской Конституции стало одним из важнейших событий общественной жизни 1930-х годов... Проект новой Конституции по решению Пленума ЦК ВКП(б) и Президиума ЦИК СССР был вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось пять месяцев. Согласно официальным данным, в стране состоялось 623334 собрания, посвященных обсуждению проекта Конституции, на которых присутствовало 42372990 человек и было сделано 169739 предложений, замечаний, дополнений в текст Конституции» [4, с. 202–203]. Обсуждение «Конституции развитого социализма» приобрело еще большие масштабы. За четыре месяца (с 4 июня по 1 октября 1977 года) в обсуждении проекта Конституции в общей сложности приняло участие свыше 140 миллионов человек или более четырех пятых взрослого населения страны. Обсуждению проекта было посвящено около 1,5 миллиона собраний граждан, в которых приняли участие около 130 миллионов человек. На собраниях выступило более 6 миллионов человек. Они высказали около 6 миллионов предложений об одобрении проекта Конституции, а также о внесении в него некоторых поправок и дополнений. В Секретариате Конституционной комиссии в общей сложности было учтено и рассмотрено около 400 тысяч поправок и дополнений [6].

Мне могут указать на то, что приведенные цифры не отражают реального отношения к советским конституциям со стороны широких народных масс, что эти самые массы участвовали в процессе обсуждения в принудительном порядке. Соглашусь с этим. Действительно режим коммунистической власти, зачастую использовал недемократические методы социального воздействия. Однако, нельзя не признать того, что пусть принудительно, но

большинство взрослого населения страны, по крайней мере было ознакомлено с сутью и основными положениями конституционных актов. При этом делалось это не только формально и главные цели обсуждения были достигнуты. Советский народ про конституцию не только знал, но и в большинстве своем имел о ней достаточно внятное представление. К великому сожалению, если говорить о «конституционной грамотности» современного российского народонаселения, то приходится констатировать, что для большинства россиян, конституция так и не стала документом «особой значимости и силы». Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), приуроченного к 25-летию Конституции РФ (2018 г.), о содержании Основного закона 69 % россиян имеют лишь «общее представление» и лишь 6 % считают, что знают ее хорошо [3]. Таким образом, государство перестав использовать принудительные методы борьбы с «конституционной безграмотностью» и не сумев на практике легитимизировать конституцию пришло к закономерному итогу: Конституция для большинства россиян продолжает оставаться такой же, какой была в советский период – возвышенной, правильной, демократической и... декларативной, а оттого – безжизненной, не связываемой с реальной возможностью обеспечения и защиты конкретного права конкретного российского гражданина. Поэтому безразличное в большинстве своем отношение граждан к действующей Конституции, как к акту декларативному, непосредственным образом не влияющему на жизнь конкретных людей, а потому, с точки зрения этих самых конкретных людей, в практической жизни бесполезному, конечно неприятно, но вполне объяснимо.

Список литературы

1. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1. – С. 28–43.
2. Ковальски Е. Европейский и польский конституционализм: XVIII век // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2017.
3. Конституция интереснее не стала. ВЦИОМ выяснил отношение граждан к Основному закону. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3820354>
4. Куликова Е.В. Формирование технологий воздействия на массы в советском обществе (на примере обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г.) // Проблемы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 202–204.

5. Лещев Е.Н., Харитонов Н.И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестн. общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 6.
6. Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 г. (1962–1977 гг.). Хронологический перечень мероприятий, связанных с разработкой и принятием Конституции СССР 1977 г. // Совр. труды по конституционному праву. – URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3001/>.
7. Лушин А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 21–25.
8. Петрова Е.А. Конституционные основы правовой системы США // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 182–186.
9. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. – СПб.: Алетейя, 2018. – 330 с.
10. Ромашов Р.А. Конституционный тренд России: век истории // Право и государство: культурологическое измерение: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 53–58.
11. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Проблемы фальсификации в отечественной исторической науке // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4 (37). – С. 279–284.
12. Тронные речи. Выступление Бориса Ельцина на церемонии вступления в должность Президента РФ 10 июля 1991 года. – URL: <http://www.mn.ru/politics/president/80933>.

Статья поступила 30.01.2020 г.